

**А.А.Нещадин,
М.В.Малютин**

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ

Можно предположить, что в нынешнем году политические события будут в значительной мере доминировать над экономикой, хотя и ее кризисное состояние в свою очередь повлияет на ход предвыборных баталий, создавая определенные ограничения.

**Экономические
ограничители
1999 года**

Самый большой парадокс 1999 г. – это то, что он является не до конца прогнозируемым практически со стороны всех наук в силу большого количества рамочных ограничителей.

Первый ограничитель – общеэкономическая ситуация. Надо отдать правительству должное: пока ему удалось миновать многих возможных неприятностей, которые, по оценкам значительного числа экспертов (преимущественно из лагеря реформаторов), могли произойти в ноябре–декабре 1998 г. Не оправдались прогнозы многих «экономистов», что правительство резко изменит ранее проводимый «курс реформ» и начнет осуществлять переход к государственному управлению и экономической диктатуре. Однако нерешенность вопросов реструктуризации внешней и внутренней задолженности, выделения кредитов западными странами, восстановления рынка внутренних займов делает экономическую ситуацию 1999 г. малопрогнозируемой именно в количественных параметрах.

Россия снова столкнулась с инфляцией. Масштабы ее, по разным оценкам, составят от 60 до 300 % годовых, а длительность «кразгона» – от 5 до 8 месяцев. По официальным данным, с начала кризиса эмиссия в 20 млрд рублей уже осуществлена и направлена на поддержку банковской системы и покрытие дефицита бюджета. Если «выплаты бюджетникам» были вполне предсказуемы и осуществлялись в довольно скудных масштабах, то курс председателя ЦБ В.Геращенко на спасение не банковской системы как таковой (и тем более не группы «привилегированных»), а на поддержание на плаву большинства банковских структур, включая тех, кто несет прямую ответственность за «бум ГКО» и перекачку миллиардных займов МВФ за границу, оказался неожиданностью, причем довольно неприятной, для многих в правительстве Е.Примакова и его ближайшем окружении.

Оборотной стороной «либерализма» ЦБ стал продолжающийся (пусть не в прежних масштабах) вполне легальный отток капиталов за границу, спекуляции на курсе доллара и т.п. Среди отечественных и ино-

странных аналитиков распространено мнение, что в случае прекращения хотя на месяц свободной конвертации валюты у населения (и проведения аналогичных мер применительно к частным банкам) нынешний курс доллара упал бы минимум вдвое, что позволило бы быстро создать резервы для проведения правительством и Центробанком некоей разумной экономической политики вместо нынешнего курса, ориентированного исключительно на выплату долгов. Ничего нереального в экономическом отношении в подобных «временных мерах» нет (нечто подобное в последние годы, несмотря на противодействие МВФ, имело место в некоторых странах Латинской Америки), но по политическим причинам для правительства Е.Примакова это невозможно.

Следует иметь в виду, что в России сложилась ситуация негласного общественного «сговора», которую можно описать формулой «мы – государство – делаем вид, что о вас заботимся, а мы – народ – делаем вид, что вам подчиняемся и платим налоги». Эту ситуацию пыталось на рубеже 1997–1998 гг. изменить правительство В.Черномырдина. Кабинет С.Кириенко пошел дальше, резко усилив налоговый пресс для наполнения бюджета и тем самым фактически нарушив упомянутый негласный «сговор». Для правительства Е.Примакова дополнительным ресурсом быстрого пополнения казны стала попытка реального проведения в жизнь силами МВД и налоговой полиции мер госмонополии на спирт.

Оценки эффективности этого курса в последнем квартале минувшего года резко отличаются в зависимости от того, дает ли их правительство (для него «ситуация находится под контролем» и «постепенно улучшается») или СМИ, которые считают, что «конец света» наступит в первой половине 1999 г. Из-за конфликта с МВФ проблема сбора налогов в период исполнения бюджета перешла в международную плоскость. В связи с изменениями ставок налогообложения доходы бюджета могут временно сократиться, что в свою очередь отразится на темпах инфляции. В значительной степени на него будет также влиять уровень мировых цен на нефть, черные и цветные металлы и другое сырье. Пока, по результатам мировых исследований этих рынков, никаких надежд на резкое повышение цен нет, скорее наоборот, в некоторых случаях «нижняя точка» еще не достигнута, хотя, возможно, и близка.

Второй ограничитель – перераспределение реальной власти в условиях кризиса с уровня федерального центра на уровень субъектов федерации и крупных муниципальных образований. Этот процесс будет определяться следующими обстоятельствами:

— в провинции удалось сохранить муниципальные и региональные банки, которые не вели активной деятельности на рынке ГКО. Они поддерживаются поступлением бюджетных денег местных органов власти и коммунальными платежами. Филиалы московских банков, расположенные в регионах, превращаются сегодня в механизм «откачивания» денег из провинции для головных структур, находящихся в центре, и сталкиваются с мощным сопротивлением со стороны местных администраций;

— центр практически полностью разрушил отраслевую систему управления промышленностью. Федеральная власть в настоящее время контролирует только газовую и нефтяную отрасли, энергетику, ряд предприятий ВПК и МПС. Вся остальная промышленность фактически находится в ведении региональных и местных властей. Регулирование наиболее важных для предприятий налоговых отчислений, арендной платы на землю и т.д. определяется решениями региональных и муниципальных властей. Положение о порядке введения налога на вмененный доход ставит под контроль местных органов весь малый и средний бизнес;

— формирование местных и региональных бюджетов в этом году изменено. Практически федеральный центр обменял сокращение трансфертов, перечисляемых в регионы, на разрешение местным властям самим компенсировать сокращение поступлений налогов от центра и от НДС введением налога с продаж. Данная мера дает местным и региональным органам власти возможность широкого маневра, как в плане установления размера налога, так и в части перечня налогооблагаемых товаров;

— один из резервов инвестиций в реальный сектор — средства населения. Однако после кризиса, когда доверие к правительству и коммерческим банкам подорвано, наиболее ликвидными могут стать ценные бумаги отдельных регионов и городов, а также успешно работающих предприятий.

Третьим ограничителем станет необходимость резко сокращать размеры социальных выплат и пенсий и круг их получателей. На эту проблему не часто обращают внимание, но реальное положение пенсионного и других социальных фондов таково, что к середине года индексация социальных выплат будет значительно отставать от темпов инфляции из-за отсутствия средств в данных фондах даже при самом оптимистичном варианте развития событий. Из этой ситуации есть два выхода: увеличение поступлений в упомянутые фонды или резкое сокращение разнообразных льгот и круга их получателей. Видимо, реально придется использовать обе возможности.

Четвертый ограничитель связан с тем, что либеральный подход к проведению реформ (при слабости рыночных механизмов и неразвитости рыночной инфраструктуры) за 1992–1999 гг. себя не оправдал. Представляется, что экономический курс всех правительств на протяжении ближайших 7–10 лет будет направлен на усиление регулирующей роли государства в экономике. Это не означает отход от курса реформ, так как в 1999 г. правительству необходимо резко либерализовать условия работы для инвесторов, сократить налоги с реального сектора, добиться профицита бюджета. Одновременно будут приняты меры по улучшению управления государственной собственностью, усилен контроль за ценообразованием продукции, за банковской системой, монополизирован ряд рынков (в первую очередь алкогольный).

Пятый ограничитель – очередной спад промышленного производства на 5–6 %, происходящий неравномерно по отраслям и территориям. По всей видимости, наибольший спад будет отмечен в сырьевых отраслях, что продиктовано в первую очередь изменением конъюнктуры мировых цен на энергоносители и сырье. Спад затронет главным образом нефтяную промышленность, черную и цветную металлургию, ряд предприятий химической промышленности. Даже девальвация доллара при необходимости сокращения объемов поставок не сможет компенсировать потери этих предприятий. Также в наименьшей степени девальвация рубля отразится на увеличении экспорта готовой продукции, в первую очередь машиностроения. В этой ситуации можно ожидать определенного подъема в пищевой, легкой промышленности и в машиностроении, ориентированных на импорт-замещение и внутренний рынок, хотя возможности роста будут ограничены сокращением покупательной способности населения. Увеличение производства продуктов питания также находится в прямой зависимости от урожая 1999 г.

Таким образом, экономическим фоном для декабрьских выборов будут снижение ВВП страны, инфляция, падение уровня жизни населения. Никакие действия правительства не способны кардинально изменить развитие данных негативных факторов, однако от этих действий во многом зависит степень остроты возникающих проблем и продолжительность реабилитационного периода.

Политические ограничители 1999 года

Учитывая перераспределение власти в пользу региональных и муниципальных образований, можно констатировать, что реализация многих политических решений будет зависеть от населения, сосредоточенного в крупных, преимущественно областных городах, где политические и экономические установки местных органов власти не всегда совпадают с установками центра и в ряде случаев региональных властей. Примерами этому служат взаимоотношения руководства Удмуртии и Ижевска, Приморского края и Владивостока, Краснодарского края и Краснодара и Новороссийска, Самары и Тольятти с областной властью. То же «великое противостояние» по линии мэр – губернатор существует с различной степенью остроты в Карачаево-Черкессии, Красноярске, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Оренбурге, Омске, Новосибирске, Тамбове, причем иногда конфликту придается некая идеологическая окраска. Поскольку в Карачаево-Черкессии, Удмуртии, Приморье, Свердловской, Оренбургской, Омской и Тамбовской областях в этом году состоятся губернаторские выборы, то в ряде случаев схватка пойдет «стенка на стенку» и неизбежно потребует федерального вмешательства. «Владивостокский арбитраж» комиссии Государственной Думы на рубеже 1998–1999 гг. окажется, таким образом, только «первой ласточкой».

Экономические условия создают возможность победы на выборах в Думу центристской коалиции, если катастрофических сдвигов в

хозяйственной жизни не произойдет, а некая «новая сила» сумеет за оставшееся время объединиться на разумной платформе. Однако политическая реальность в России на выборах по партийным спискам по-прежнему такова, что оседлавший «протестную волну» обычно выигрывает. А в условиях неизбежного ухудшения ситуации в 1999 г. вопрос только в том, какая из группировок радикально-популистских демагогов «оседлает» эту волну недовольства. Центристам же любых оттенков, провалившихся 12 декабря 1993 г. (в парламент прошли только «Женщины России») и вообще не попавших в Думу после выборов 17 декабря 1995 г., в 1999 г. скорее всего предстоит очередная нелегкая битва за «место под солнцем».

Так же, как и в экономике, в политике не стоит ждать какого-либо «чуда». Возможные практически в любой момент досрочные президентские выборы, а также, наоборот, вероятность некоей временной «ремиссии» властной активности Б.Ельцина, снятия Е.Примакова или, как минимум, очередных кадровых перестановок создают крайне неустойчивый политический фон, на котором будут проводиться выборы в Государственную Думу.

Мнение о том, что за прошедшие годы политическая структура электората резко изменилась, является иллюзией. Как показали выборы в Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге, Кубани и ряде других регионов, значительных отличий как в отношении явки, так и голосования от той общей конфигурации «политического поля», которая сложилась в 1993–1996 гг., не произошло. Важно отметить две тенденции – на выборах побеждали сторонники протестной ориентации, а количество вложенных средств обычно не соответствовало результатам. Особенностью кампаний был и высокий удельный вес неопределившихся избирателей. При явке минимум 40% (для местных выборов в законодательное собрание в крупном регионе это большой процент) итоги голосования могли резко отличаться от прогнозов из-за участия в них значительной части электората, решавшей поддержать тот или иной политический блок за 1–2 дня до выборов. Вопреки утверждениям столичных СМИ о падении авторитета партий и растущей поддержке беспартийных, в ключевых регионах России в ноябре–декабре 1998 г. все было наоборот.

На Кубани именно благодаря эффекту «протестной волны» губернатор Н.Кондратенко разгромил мэра В.Самойленко, некстати в последний момент поддержавшего лужковское «Отечество» и поссорившегося с «Яблоком». На выборах в Санкт-Петербурге, когда «Яблоко» решило, что оно выиграло первый тур, под воздействием «антимосковских манипуляций» губернатора В.Яковлева и в рамках той же протестной тенденции формально победил блок Ю.Болдырева. В Нижнем Новгороде «чужак» В.Семаго в силу целого ряда обстоятельств не сумел «получить по наследству» протестный электорат А.Клементьева, а из нескольких представителей «партии власти» победил под антигубернаторскими лозунгами (и при поддержке Б.Нем-

цова и С.Кириенко) Ю.Лебедев, бывший представитель Б.Ельцина в регионе.

Сформулированная исследователями Экспертного института еще в 1995 г. «модель пяти электоратов», позволившая впоследствии довольно точно предсказать результаты парламентских, президентских и губернаторских выборов, дает возможность определить рамочные возможности различных списков и политических лидеров в будущей кампании. В разработках института 1995–1996 гг. главное внимание уделялось в основном самому процессу «квантования электорального поля» и характеристике его основных количественных и качественных «размерностей». Субъективному фактору (поведению лидеров, а также стратегии и тактике деятельности их команд) тогда тоже уделялось немало внимания, но «объективные закономерности внутри субъективного фактора» просматривались еще недостаточно. Избирательная кампания Б.Ельцина в 1996 г., а также целый ряд губернаторских кампаний (прежде всего А.Лебеда в Красноярске) дали богатый материал для понимания как возможностей, так и ограничений разного рода манипулятивных технологий.

По причинам самого разнообразного характера возможности для вмешательства в исход выборов «субъективного фактора» в 1999 г. сужаются по сравнению с предыдущим периодом как «шагреновая кожа». Свободных «бешеных денег» в России стало мало (ГКО «приказали долго жить», а каналы «прямой подпитки» кампаний из-за рубежа при Е.Примакове перекрыты), поэтому практически все аналитики сходятся во мнении, что выборы в Думу будут «бедными», за исключением отдельных одномандатных округов. После резкого падения влияния «олигархов» (особенно Б.Березовского на ОРТ, да и у каналов В.Гусинского и Н.Сванидзе проблем достаточно) возможности монополизации информационных ресурсов и ведения успешных информационных войн по образцу «блица-96» или кампании А.Лебеда выглядят довольно призрачными.

В то же время административный нажим губернаторов и мэров – если, конечно, они не воюют между собой – позволяет использовать для обеспечения нужного результата самые разные средства и методы. В 1995–1996 гг. этот ресурс был монополизирован «партией власти» и президентом, а теперь в ряде регионов (включая и ряд крупнейших – Кубань, Ставрополье, Кузбасс, Челябинская, Волгоградская, Воронежская области) местная власть в той или иной степени находится под контролем КПРФ со всеми вытекающими отсюда последствиями. Разумеется, из этого еще не следует, что оппозиция нынешней власти сумеет реализовать свои новые возможности: пока, судя по всем последним опросам общественного мнения, качественной перекройки электорального пространства в России не произошло.

Основным выводом из предыдущих исследований российского электората сотрудниками Экспертного института был «парадокс стабильности»: при всех временах выглядевших фантастическими

пертурбациях в экономическом и политическом развитии России с 1991 г. поддержка населением основных антагонистов – Б.Ельцина и коммунистов – демонстрировала и в регионах, и в стране в целом поразительную устойчивость. Думские выборы 1995 г. (и интерпретация в их свете как первого голосования по партийным спискам 12 декабря 1993 г., так и первого тура президентских выборов 16 июня 1996 г.) позволили построить более конкретную структурную модель поведения населения – «электоральную пирамиду», в основании которой лежит «идеологический треугольник» коммунизм – либерализм – национализм, на вершине – «партия власти», в середине – центристы, а «под основанием» – «болото», представители которого иногда приходят к избирательным урнам.

Нынешний российский «идеологический треугольник» представлен такими гротескными явлениями, как ностальгирующий по СССР «коммунизм без поддержки рабочего класса», отлученный от власти псевдолиберализм, а также протестный «национализм без нации». Четвертая составляющая – вполне деидеологизированный электорат «партии власти», который, кроме голосования лично за Б.Ельцина, пока ни разу не выступал консолидированно. Внутри этой пирамиды «прячется» еще 10–12 млн поддерживающих «центризм по-русски» (принципиально расколотый, ибо каждый его кусочек тяготеет к одному из углов «идеологического треугольника» или к власти), а вне ее – 10–15 млн «болота», которое иногда можно привести к избирательным урнам административными методами или кампаниями в духе «голосуй, а то...!». Все эти электораты (и общая конфигурация «политического поля») являются не скалярными, а векторными величинами, т.е. они складываются (или чаще – «взаимовычитаются») по определенным «силовым линиям» в ходе конкретной избирательной кампании. Размеры «кубиков» меняются крайне медленно, но складываться они могут в самые разные «конструкции», чем и определяются обычно итоги кампании.

Выборы 1995 г. пока дали наибольшее изобилие партийных списков (они особенно четко фиксируют «пирамиду голосования») и их «разброс по ориентациям». В 1999 г. можно прогнозировать незначительное «укрупнение» частиц «политического поля» России. Формирование коалиций произойдет за счет «вымирания» большей части либеральных партий и разного рода экзотических организаций в центре спектра (к примеру, самостоятельное участие в новом голосовании Партии любителей пива, блока коммунальщиков и даже «Женщин России» маловероятно). Вместе с тем опыт спешно сформированных накануне выборов блоков из вчера еще не имевших между собой ничего общего фигур в прошлый раз был абсолютно провальным (КРО, «Союз труда», «Мое Отечество»). Единственный пример успеха в подобной ситуации – выступление движения «Яблоко» на выборах 1993 г. В дальнейшем оно сумело практически монополизировать нишу «протестного либерализма».

Выборы в Думу в условиях нынешней политической системы вообще мало что решают: пока Б.Ельцин остается президентом, они влияют не столько на власть, сколько на массовое сознание. Возможности же проведения конституционной реформы в предвыборном году – практически нулевые, поскольку нет ни одной серьезной политической силы (или хотя бы сильного лидера), всерьез в этих преобразованиях заинтересованной и готовой идти до конца в реализации своих целей. КПрФ может без труда заблокировать любой невыгодный для себя проект, у нее уже разработан собственный закон о Конституционном собрании.

Что касается массовых социальных протестов (хотя бы в стиле рельсовых блокад 1998 г.), то представляется, что без поддержки федеральных СМИ любые события на периферии страны не приобретут общенационального резонанса. Большинство населения по-прежнему пассивно. КПрФ до конца будет держаться за «призрак стабильности» и займет позицию «потерпите до выборов». Однако в отличие от 1998 г. у потенциальной антисистемной оппозиции (для которой между Е.Примаковым и Г.Зюгановым как компромиссными деятелями «позднеельцинского режима» большой разницы нет) есть шанс вмешаться в подобное развитие событий, хотя вряд ли это сыграет решающую роль.

Таким образом, кампания 1999 г. отличается от предыдущих рядом моментов.

Во-первых, произошло изменение финансовых потоков, которые могли бы быть направлены на поддержку тех или иных политических движений. Большинство политических группировок, именующих себя партиями, превратились в группы профессиональных политиков со своими аналитическими и рекламными службами, содержание которых требует значительных средств. Поэтому партии, уже имеющие свои фракции в Думе, находятся в более выгодном положении, так как имеют помещения, средства связи, транспорт. Однако после кризиса многие структуры, ранее активно финансировавшие избирательные кампании, участвовать в выборах не в состоянии. По всей видимости, предстоящая выборная кампания будет проходить в условиях резкого ограничения средств, которые могут быть направлены на эти цели. Подобные ограничения станут камнем преткновения прежде всего для вновь созданных партий и движений в силу необходимости добиваться их узнаваемости. В данной ситуации тактика КПрФ (организация пропаганды «от дома к дому») имеет ряд преимуществ.

Во-вторых, на этих выборах предстоит более жесткая борьба в одномандатных округах, где муниципальная власть из-за определенной конфронтации с субъектами федерации и центром может попытаться организовать свою фракцию в Думе, объединив депутатов, которые пройдут в парламент. Скорее всего это будет местное чиновничество или средние предприниматели, не связанные обязательствами с каки-

ми-либо партийными образованиями. Практика показывает, что участие московской элиты в выборах в провинциальных округах является малоэффективным. Большинство избирателей отдает предпочтение местным жителям, ранее не работавшим в политических организациях. Исключением может стать КПРФ, связанная определенной партийной дисциплиной. Такая тактика способна в значительной мере изменить структуру будущей Думы.

В-третьих, все лидеры партий и движений, участвующих в парламентских выборах, практически не готовы к президентским выборам и всячески стремятся не форсировать ситуацию с отставкой президента и дать ему доработать весь срок. Однако ситуация может измениться коренным образом вне зависимости от их желания или нежелания.

В-четвертых, явка избирателей на выборы, учитывая предыдущий опыт, в 1999 г. скорее всего не превысит 65–70 млн людей.

Вряд ли кому-то сегодня еще надо доказывать, что 25 (плюс минус два) миллионов избирателей, проголосовавших 12 июня 1991 г. за Н.Рыжкова, А.Тулеева и А.Макашова, отказавших Б.Ельцину в доверии 25 апреля 1993 г., сказавших «нет» конституции 12 декабря 1993 г. и поддержавших Г.Зюганова 16 июня 1996 г. по-прежнему абсолютно стабильны.

Многочисленный леворадикальный электорат в России был всегда: А.Макашов еще 12 июня 1991 г. получил почти 3 млн голосов, В.Тюлькин, В.Анпилов, А.Пригарин 17 декабря 1995 г. – более 3,1 млн. Однако до 17 августа 1998 г. положение в стране было достаточно благополучным, чтобы всерьез говорить об электоральных шансах любой организации, стоявшей на позициях антисистемного радикализма. После того, как осенью прошлого года А.Макашова усилиями столичных СМИ признали «антисемитом № 1 в России» (а потом к нему примкнул В.Илюхин – человек с аналогичной репутацией, к тому же унаследовавший движение «В поддержку армии» (ДПА) Л.Рохлина), ситуация стала качественно меняться. Выделение «радикальной колонны» внутри КПРФ–НПСР фактически произошло в начале 1999 г. как раскол не снизу, а сверху, не только с согласия Г.Зюганова, но чуть ли не по его прямой директиве. Судя по настроениям на митингах КПРФ–НПСР, активом эта затея воспринята с полным пониманием.

Объединение В.Тюлькина, В.Анпилова и А.Пригарина выглядело для большинства населения несерьезно, в победу (даже в преодолении пятипроцентного барьера на выборах в Государственную Думу) не верили и сами лидеры, занимавшиеся чистой пропагандой. В.Илюхин, А.Макашов и А.Проханов имеют в определенной среде репутацию «несгибаемых борцов», весь вопрос в том, смогут ли они выйти за пределы своего старого «электорального поля» в 3 млн голосов. Если «бабка Кондратенко» благословит эту затею (а радикальных антисемитов среди «красных губернаторов» хватает, просто они это не афи-

**Куда идут
«тремя
колоннами»
левоцентристы?**

шируют), то за счет одной Кубани – ныне третьего по численности электората региона России – список коммунорадикалов под условным названием «Русские идут!» наберет более 4 млн голосов, и они наверняка окажутся в Думе. Разумеется, после каждого антисемитского заявления А.Макашова и В.Илюхина будут пытаться «преследовать» прокуратура и суд, травить ТВ, но снятие списка с регистрации маловероятно. Скорее всего при подобном ходе борьбы А.Макашов и В.Илюхин фактически будут вести кампанию за чужие деньги и чужими СМИ, им удастся завоевать значительную часть протестно-националистического электората («утопив» по дороге своей радикальной антисистемностью В.Жириновского и А.Лебеда как «псевдорусских ряженных» и «лакеев оккупационного режима»).

Разумеется, «вожди» могут поспорить между собой и с Г.Зюгановым. Однако думские выборы 1999 г. – не последняя избирательная кампания в России, а вероятность того, что левонационалистический «джин» наконец вылезет из бутылки на антисемитических «дрожжах» (при посильной помощи центральных СМИ), является достаточно высокой. Никаких значительных финансовых затрат, сложных пропагандистских технологий и организационных решений проект «Русские идут!» для своей реализации не требует: при наличии твердой договоренности между членами перечисленной «четверки» (В.Илюхин, А.Макашов, А.Проханов, Н.Кондратенко) вопрос только в том, ограничится ли число проголосовавших за них минимумом в 4–5 млн или увеличится в полтора–два раза, возможно за счет РНЕ. Тогда «потолок КПрФ» – не 17 млн голосов, а никак не менее 22 млн. Реальная деятельность левонационалистических сил в феврале–марте оказалась невероятно бездарной. В.Илюхин критиковал А.Макашова за предложение превратить движение «В поддержку армии» в «Движение против жидов» (ДПЖ) и явно готов согласиться на место в дюжине КПрФ без всяких «колонн»; генерал же ни «своего списка», ни материальных ресурсов, ни кадров для кампании пока не имеет. Но так как, судя по данным опроса Российского Института Социальных и Национальных Проблем (РИСиНП), треть населения России с ним согласна, что «власть сейчас у евреев», все может быть.

Что касается «третьей колонны», если под ней понимать не АПР, а неких «просвещенных патриотов», то очевидно, что 1,1 млн голосов С.Бабурина и Н.Рыжкова и 0,7 млн С.Говорухина на выборах 17 декабря 1995 г. – это «потолок» для данной части политического спектра. «Просвещенные патриоты» в настоящее время могут рассчитывать на крайне незначительное число голосов интеллигенции больших городов. С.Бабурин почти наверняка не вступит в партнерские отношения с «колоннами КПрФ», а одномандатники Российского общенационального союза (РОС) будут бороться за третье переизбрание. К тому же именно за голоса этой незначительной части политического спектра развернется соперничество между куда более харизматичными «просвещенными патриотами» Ю.Лужковым и А.Лебедем.

Шансы АПР определяются следующими обстоятельствами в основном неэлекторального характера. В 1995 г. пятипроцентный барьер не удалось преодолеть прежде всего из-за раскола аграрного начальства как корпорации; тогдашний куратор АПК А. Заверюха (ныне одномандатник от Камчатки, публично поддерживающий НДР) сделал все, чтобы лишить поддержки своей «управленческой вертикали» лидера АПР М. Лапшина и список этой партии. Существенные электоральные потери аграрии понесли из-за конкуренции левоцентристского блока Ивана Рыбкина, а также заигрывания В. Стародубцева и прочих тогдашних «радикалов» с КПРФ. К тому же абсолютное большинство одномандатников АПР интересовались исключительно своим прохождением по списку, а отнюдь не тем, преодолет ли организация барьер в 5%. Последние политические шаги КПРФ однозначно свидетельствуют о том, что к АПР она ныне относится по принципу «о мертвых хорошо или ничего», и значительную часть аграриев-одномандатников такое положение в общем устраивает: лишь бы еще раз переизбраться по округу при поддержке КПРФ.

АПР не пользуется влиянием во многих сельских районах страны, население которых вовсе не жаждет «самоорганизации против города», своих интересов толком не осознает и голосует за КПРФ как за наследницу партии, во время правления которой государство оказывало реальную помощь деревне. Однако ни субъективно, ни объективно нынешняя ситуация не является для АПР абсолютно безнадежной. Резкое снижение импорта продовольствия осенью 1998 г. обусловило появление свободных денег у аграриев-руководителей. Не удивительно поэтому, что они противятся «ликвидаторской» политике КПРФ по отношению к АПР. На выборы она наверняка пойдет одна и со своим списком.

Таким образом, левотрадиционалистская часть думского спектра, по-видимому, сохранит «количественную размерность» за счет перегруппировки сил. Вряд ли возможно получение КПРФ почти 100 мандатов по списку, так же, как и более 50 мест по округам (почти наверняка их будет более 40). Повторение «чистой трети» Думы, полностью принадлежащей КПРФ, возможно только при полной «электоральной катастрофе» уже не только в центре партийного спектра, как это было 17 декабря 1995 г., но и в поле «партии власти», т.е. если «Отечество» получит меньше мест в Думе, чем имеет НДР (45 по списку и 20 одномандатников). А вот четверть мандатов (или даже чуть более – 110–120) представляется для КПРФ практически гарантированным результатом; чтобы получить меньше, Г. Зюганову и его команде придется сильно постараться. Прогноз по аграриям неизбежно оказывается очень неопределенным – от минимум 20 до 55 мест, как в первой Думе (в случае взятия барьера в 5%). Фракция «Народовластие» (35–38 одномандатников) неизбежно исчезает, но в случае преодоления барьера списком ее место занимают В. Илюхин и А. Макашов. Верхний пре-

дел возможностей «непримиримых» – около 60 мест, как у В.Жириновского в первой Думе, и также преимущественно за счет списка (тогда ЛДПР имела всего 5 одномандатников).

Чисто арифметически ничего нереального в 17–18 миллионах голосов, отданных за КПРФ, 9–10 млн за «Русские идут!» и 3–4 млн за АПР, нет, как и в получении «Яблоком» и «Отечеством» всего по 7 млн (или даже менее того) каждым при полном непопадании в Думу «всех остальных». Однако для подобного результата-максимум (а только он дает Г.Зюганову в Думе конституционное большинство в две трети) необходимо совпадение многих слишком маловероятных стартовых условий с последующим нарастанием «кумулятивного эффекта». Впрочем, Б.Ельцин и его команда в апреле 1993 г. и в ходе кампании 1996 г. подобного эффекта (и в количественном отношении, и по глубине воздействия на массовое сознание) достигали, так что осуществление плана «трех колонн» вполне реально. Еще до «дефолта» Г.Зюганова поддерживали свыше 30 млн избирателей. Для повторения подобного результата даже не нужно много дополнительных голосов – левотрадиционалистам и национал-протестным силам достаточно достичь договоренности и грамотно «использовать свое». Однако скорее всего (если исходить из интеллектуального и кадрового потенциала «непримиримой оппозиции», который она все эти годы демонстрировала) левые сохраняют «имеющееся» в Думе или в лучшем случае получают устойчивое абсолютное большинство вместо нынешнего «околобольшинства» (149 мандатов КПРФ, 38 у «Народовластия» и 35 у АПР на старте работы Думы).

Многие иронизирующие над «сознательным расколом рядов оппозиции» плохо понимают природу противостоящих им сил и сдвигов в массовых настроениях. В центре (как показал опыт «умеренного курса» Г.Зюганова в 1996–1998 гг.) никаких новых голосов КПРФ заведомо получить не может. Внутри же самой организации по мере нарастания настроений национального унижения и усиления реального обнищания населения России официально провозглашенный «интернационализм» и «ответственная политика в Думе» все более превращались в источники раздражения для большинства актива и значительной части уставшего ждать электората, протестующих против «национального унижения русских» (хотя этот протест носит скорее социальный характер).

Таким образом, общий электорат левотрадиционалистов составляет 25 млн с потенциальным расширением в 5 млн; 16–17 из них наверняка получит Г.Зюганов, 3–4 млн – «радикальное крыло» (впрочем, именно оно способно к удвоению и утроению голосов за счет «протестного национализма»), 1,5 млн – «потолок» для «просвещенных патриотов» и 3,5 млн – для АПР. Электорат двух последних списков (особенно аграрного) является пограничным с электоратом «центра» и «партии власти». В случае успеха левора-

дикалов этот лагерь способен расширить свое представительство в Думе до абсолютного большинства, которое может вырасти до 250 голосов по отдельным вопросам, если АПР преодолет пятипроцентный барьер.

Опыт 1993 и 1995 г. показывает, что для лидера гонки, каковым на старте несомненно является КПРФ, наличие еще пары дополнительных списков – это скорее плюс, чем минус. Даже если кто-то не проходит пятипроцентный барьер, голоса в итоге для фаворита обычно не теряются (это доказывает опыт ЛДПР и «Яблока»). А вот 5–6 списков – это уже явный «перебор» (у либералов в 1995 г. было даже более того), и В.Тюлькин и В.Анпилов явно будут отбирать какие-то голоса у В.Илюхина и А.Макашова, если конфигурация «радикально-красной коалиции–95» в основном сохранится. Однако пока В.Анпилов «блокируется» с Э.Лимоновым и В.Тереховым, а С.Бабурин, В.Крючков–А.Пригарин и В.Тюлькин действуют «сами по себе» во вполне «отвязанном режиме».

10–12 миллионов голосов национал-протестного электората все более становятся «бесхозными». Число поддерживающих В.Жириновского от выборов к выборам уменьшается. После пика 12 декабря 1993 г. оно сократилось сначала почти вдвое – до 7,7 млн (17 декабря 1995 г.), потом до 4,3 млн (16 июня 1996 г.), что в полтора раза меньше, чем 12 июня 1991 г., когда карьера лидера ЛДПР по-настоящему и началась.

Если ЛДПР не преодолеет пятипроцентный барьер в большинстве регионов европейской России южнее Москвы, ее в Думе не будет, ибо в городах-миллионниках (кроме Урала) позиции В.Жириновского были крайне слабы еще в 1995 г. К тому же при Е.Примакове шансы получить значительное количество ливийских или иракских денег на кампанию для лидера ЛДПР представляются минимальными. В конце февраля – начале марта В.Жириновский предпринял ряд объективно самоубийственных шагов и заявлений. Непрерывные «клятвы верности» непопулярному у населения Б.Ельцину, призывы к запрету не только КПРФ, но и отмене любых выборов «на 10 лет», агрессивные выступления против правительства Е.Примакова свидетельствуют о том, что В.Жириновский отчаялся в преодолении пятипроцентного барьера и пошел ва-банк.

Электорат А.Лебеда никогда не был исключительно националистическим, он представляет собой некое сочетание умеренной части «некоммунистических патриотов» с наиболее недовольными слоями «центристов». Примечательно, что на эту же часть электората реально претендует Ю.Лужков. Но если у А.Лебеда кроме этого больше сегодня ничего нет, то потенциальный электорат столичного мэра гораздо шире, особенно в больших городах (где он включает значительную часть «властного») и не отделен барьером неприязни от коммунистического, по крайней мере в Москве).

**Электоральные
гротески
«русского
национа-
лизма – 99»**

Наконец, если война с В.Жириновским будет вестись в малых городах, селах и «депрессивных зонах» (особенно «нового пограничья») списком А.Макашова – В.Илюхина и неповоротливой машиной КПРФ, то А.Лебедь – главный источник раздражения для Е.Примакова и Ю.Лужкова. «Держать удар» А.Лебедь пока не умеет, в Красноярском крае уже сформировалась коалиция, которая способна законным путем (через референдум) отстранить его от власти. Поэтому остается только играть в местные мини-перевороты или провоцировать свое отстранение Москвой, а не населением Красноярского края.

Как бы там ни было, электорат В.Жириновского существует с 1991 г. и при всех изменениях представляет собой нечто относительно устойчивое, поддающееся исследованию и прогнозу. А вот образ А.Лебеда с выборной точки зрения очень напоминает «надувной пузырь»: в «статике» между кампаниями его избиратель просматривается только путем довольно сложных познавательных процедур в силу незначительности электората, готового голосовать за него при любых обстоятельствах. Зато если А.Лебеда начнут «раскручивать» (как в ходе президентской кампании 1996 г. и губернаторских выборов в Красноярске), его поддержка может вырасти в несколько раз за счет «центра» и «болота». В 1999 г., однако, складывается самая невыгодная для харизматика подобного типа ситуация – возможность участвовать в выборах лишь по списку, что делает вполне вероятным скандальный провал, как у КРО в 1995 г., где А.Лебедь был по списку вторым.

Подводя итоги анализа национал-протестного электората, можно сделать вывод, что шансы В.Жириновского преодолеть пятипроцентный барьер (т.е. собрать около 4 млн голосов) существуют только в том случае, если Н.Кондратенко не откажется от догмы о «единстве партии». В электорате А.Лебеда национал-протестной является только его умеренно-центристская часть (ориентировочно в 2–3 млн человек), ныне колеблющаяся между ним и Ю.Лужковым. Левонационалистические («красные») радикал-патриоты пока доминируют в этом лагере над «белыми» и «черными» сектами, а также всевозможными «национал-капиталистами». А.Лебедь, судя по всему, прошел пик популярности в 1996 г., а Ю.Лужков явно упустил свой шанс стать «Примаковым» в сентябре 1998 г. Так что население напряженно ищет нового «спасителя России», в которого можно было бы поверить хоть на одну кампанию.

Реальность же такова, что своего лидера общенациональных масштабов национал-протестная среда по-прежнему не имеет, а поэтому является «ресурсом освоения» слева («радикальная колонна красных»), из центра (А.Лебедь) и со стороны претендентов на роль «партии власти» (Ю.Лужков).

**Надо ли
либерализму
поступаться
«принципами
реформ»?**

Более или менее предсказуема ситуация и на либеральном фланге электорального спектра. Как и в лагере «красных», тут есть свой абсолютный лидер – Г.Явлинский. Подобно КПРФ, электоральная поддержка «Яблока» растет от выборов к выборам, но позорные для КПРФ 6,7 млн голосов в декабре 1993 г. для этого объединения по сей день являются «планкой», которую еще ни разу не удалось преодолеть (соответственно 4,3, 4,7, 5,5 млн голосов в 1993, 1995 и 1996 г.). В 1999 г. «Яблоко» скорее всего получит 7 млн голосов, нет ничего невозможного и в 8 млн. Однако чтобы рассчитывать на договоренности с другими некоммунистическими конкурентами в борьбе за президентское кресло, Г.Явлинскому необходима поддержка более 10 млн избирателей, т.е. фактическое удвоение голосов, полученных 16 июня 1996 г.

Теоретически такая возможность существует, и некоторые рейтинги это временами отражают, особенно когда Г.Явлинский находится на подъеме популярности, а Ю.Лужков, наоборот, – в «противофазе». Однако в реальности, если «Отечество» будет участвовать в парламентских выборах, подобное вряд ли удастся.

Блок «Правое дело» скорее всего не получит средств от мирового сообщества, пострадавшие в результате кризиса «олигархи» тоже не собираются финансировать кампанию «обидчиков», так что последним придется «не поступаться принципами». А вот С.Кириенко Запад наверняка захочет спонсировать, но это автоматически будет происходить за счет и без того небогатого «Яблока».

Что касается блока «Правое дело», то его список получит 1–2 млн голосов, вне зависимости от того, как будет вестись кампания. Маловероятно, что даже при участии С.Кириенко праволиберальный блок наберет гарантированно проходные 4 млн голосов избирателей. К тому же практически все серьезные аналитики убеждены, что экс-премьер не захочет идти одним списком ни с Е.Гайдаром–А.Чубайсом, ни с Б.Немцовым – как с давно скомпрометировавшими себя фигурами. Электорат праволиберальных сил сосредоточен по преимуществу в Москве и Петербурге (Е.Гайдар 17 декабря 1995 г. получил в столице примерно 500 тыс. голосов, в «северной столице» 280 тыс., а в Московской области всего 180 тыс.). Между тем Ю.Лужков и В.Яковлев, несомненно, дадут директиву проводить своих одномандатников и списки «любой ценой», и противостоять им либералы будут не в состоянии. Показательны выборы в Петербурге, где у «Демократического выбора России» были довольно серьезные позиции, а в Законодательное Собрание удалось провести лишь одного депутата из 50.

Еще раз возвращаясь к электоральным шансам «Яблока», подчеркнем, что жесткость и принципиальность позиции Г.Явлинского в обеих Думах принесли ему (судя по данным разнообразных опросов) симпатии даже той части провинциальной интеллигенции, которая ничего не знает о «Яблоке» или раздражена теми или иными «непат-

риотическими жестами» его лидера относительного Белоруссии или Севастополя. Вместе с тем эти же люди недолюбливают Ю.Лужкова, видя в нем живой символ «столицы, живущей лучше провинции», и если курс на компромисс с мэром Москвы станет новой стратегией «Яблока» на выборах 1999 г., то здесь и в некоторых городах-миллионниках Г.Явлинский, возможно, получит некоторую электоральную выгоду, но в «глубинке», несомненно, потеряет. Разрушение образа партии «бедных, но умных, честных и принципиальных российских интеллигентов» не удастся компенсировать на президентских выборах никакими другими ресурсами. Почувствовав резкое отторжение новых инициатив значительной частью актива, лидер «Яблока» будет явно ограничен в политических маневрах.

Вообще праволиберальный электорат голосует наиболее сознательно, поэтому не приходится надеяться на то, что значительная часть тех, кто проголосовал за «Демократический выбор России» 17 декабря 1995 г., неожиданно поддержит «раскольника демократического единства» Г.Явлинского. А вот 1,1 млн тогдашних избирателей Республиканской партии Российской Федерации (РПРФ) давно «Яблоком» интегрированы, равно как и часть из 2,7 млн избирателей Партии самоуправления трудящихся (ПСТ) С.Федорова, хотя последние могут и заколебаться в случае появления какой-то реальной новой социал-демократической альтернативы. Так или иначе, 7 млн голосов «Яблоку» практически гарантированы в том случае, если «Отечество» примет активное участие в выборах, а отношения с ним будут строиться в диапазоне от «двух колонн» в столице до «пакта о ненападении» в регионах.

Таким образом, «Яблоко» практически выиграло «внутривидовую борьбу» в либеральном лагере и лишило при нынешней расстановке сил (властных, финансовых, информационных в центре и на местах) своих конкурентов Е.Гайдара, А.Чубайса, С.Кириенко и Б.Немцова шансов на преодоление барьера в 5%. Однако «Правое дело» наверняка будет участвовать в выборах, отбирая у оппозиционного социал-либерализма 2–3 млн голосов «не поступающих принципами». В центре спектра ситуация такова: чем больше голосов получает «Отечество», тем меньше их остается Г.Явлинскому. «Взрывных» кампаний «Яблоко» вести не может, так как для этого у него нет и, по-видимому, не будет ни кадров, ни денег, да и по своим качествам Г.Явлинский определенно не годится на роль удачливого демагога-популиста, умеющего сначала «поднять волну», а потом «удержаться на гребне».

Наконец, «ахиллесова пята» «Яблока» – положение одномандатников: если по списку движению гарантировано больше имеющихся 30 мандатов, то сохранение даже нынешних 16 мест в округах весьма сомнительно. Итак, «потолок» праволиберальных сил в новой Думе – это примерно 65 депутатов от «Яблока» (приблизительно 50 из которых – «списочники») и несколько человек от «Демократического выбора России» (С.Ковалев, С.Юшенков), а также Б.Немцов и С.Кириенко могут попасть в Думу по одномандатным округам.

**«Партия
безвластия»
и кепка
Мономаха**

Полная неразбериха царит, как всегда, в центре электорального пространства России и на обломках «партии власти». Впрочем, если бы Е.Примаков обнародовал свои планы, ситуация бы сразу прояснилась, и (если обвалных неприятностей до дня голосования не случится) возник список, который был бы вполне конкурентоспособен с зюгановским в борьбе за первое место. В декабре 1998 г. группа социологов во главе с Л.Бызовым провела (в зоне «севернее Москвы» — от Петербурга до Красноярска) пилотное исследование, в которое был включен и гипотетический «список Е.Примакова», сразу оказавшийся на первом месте, собрав 20% голосов. Второе место занял Г.Зюганов, получивший 18% (из чего следует, что электорат КПРФ растет даже в неблагоприятных для нее регионах), третье — Г.Явлинский (16%). Ю.Лужков и А.Лебедь замкнули «список проходных», поделив 4–5 места (12–13%), причем в Красноярске московский мэр по понятным причинам популярнее генерала, В.Жириновский имеет 5% только в Сибири.

Подобно тому, как в 1995 г. существовала «партия власти» Б.Ельцина и НДР В.Черномырдина, ныне эта же «структурная схема» повторяется в паре Е.Примаков — Ю.Лужков: публичных конфликтов пока нет, но руководители на местах ощущают какое-то подспудное напряжение и нарастающее взаимное нерасположение двух лидеров. Трудно сказать, по этой ли причине на съезд «Отечества» не приехал ни один действительно влиятельный губернатор крупного региона. С Э.Росседем и Е.Наздратенко команда московского мэра поссорилась в последний момент, поддержав там заведомо неприемлемые кандидатуры на роль вождей региональных «Отечеств». То же произошло и с В.Яковлевым в Петербурге.

Вообще, судя по последним заявлениям Ю.Лужкова, он явно взял курс на поддержку мэров региональных центров в конфликте с губернаторами (В.Чернецкого против Э.Росседа, В.Самойленко против Н.Кондратенко, В.Пимашкова против А.Лебеда и т.д.). Безусловно, это очень рискованный ход, тем более, что попытки лично Ю.Лужкова и «Отечества» повлиять на результаты местных выборов в крупных регионах были в 1998 г. на редкость неудачными везде, кроме Карелии (в Красноярске, на Кубани и в Петербурге). К тому же личная популярность Ю.Лужкова и репутация «Отечества» — это далеко не одно и то же.

Если затея с «Отечеством» не рассчитана на участие в выборах в Думу, а является лишь «заготовкой кадров» для досрочных президентских выборов, то многие странности и несуразицы приобретают рациональный смысл. Однако пока в движении нет ни «своего Чубайса», способного за месяц «из ничего» создать работоспособный аппарат и делать все, что считает нужным во имя победы, ни «своей Татьяны», которая может теми или иными способами заставить кандидата говорить «что положено и где положено».

Дело не в том, что все эти проблемы неразрешимы в принципе – позиция Б.Ельцина в марте 1996 г. по многим параметрам тоже была довольно непрочной. Но чудеса два раза повторяются редко, а то, что происходит с «Отечеством», невероятно напоминает предыдущие с помпой начинавшиеся и закончившиеся неудачами затеи российского центризма, воплотившиеся в деятельности Гражданского союза и Конгресса русских общин. Только тогда денег и честных энтузиастов хватало и в столицах, и в регионах, а сейчас люди подобного типа (вроде С.Сулакшина) отторгаются аппаратом еще на фазе формирования движения. Оно создается «в кредит» – в регионах накопилось много активных людей, для которых Ю.Лужков стал знаменем нереализованных амбиций. Сколько из них покинет ряды «Отечества» в первый же критический момент, пока сказать трудно, но когда большинство поймет, что «Москва ничего нам не даст» (ибо взять неоткуда), перспективы станут весьма сомнительными. Они крайне сомнительны даже в смысле элементарного участия «Отечества» в выборах. Поскольку организация зарегистрировалась буквально в последние часы, Б.Ельцину достаточно просто назначить выборы на первое – второе (а не на третье) воскресенье декабря 1999 г., чтобы ей не хватило года до регистрации. Достойные же выборы лишают возможности участвовать в них 4/5 претендентов.

Поскольку Ю.Лужков и его организация не прошли (в отличие, скажем, от А.Лебеда) «обкатки» ни в одной общенациональной кампании, все последующие рассуждения во многом носят гипотетический характер, описывая пока «виртуальную реальность». «Твердое ядро» его потенциального электората – обеспеченные и в среднем более молодые и образованные люди. От других «новых русских» их отличает обостренное чувство патриотизма и понимание того факта, что Е.Гайдар, А.Чубайс и С.Кириенко открыли им возможности для обогащения и статусного роста, но абсолютно не годятся для «закрепления достигнутого».

Примечательно, что для этих слоев Ю.Лужков изначально не был «своим», но они видят в нем политика, который способен дать гарантии сохранения достигнутого и твердую перспективу. Между тем сам Ю.Лужков искренне считал себя вовсе не «правым либерал-государственником», а социал-популистом и даже «лейбористом» и «новым социалистом». Когда стало ясно, что Б.Ельцин баллотироваться больше не будет, а Ю.Лужков начал рассматриваться как будущий кандидат в президенты, в его потенциальном электорате объединились правоцентристски и национал-государственно настроенные «новые русские» с ностальгирующими по преимуществам прежних времен избирателями «партии власти» из городов-миллионников.

Между тем обещанный «экономический рост» в России так и не начался, пришел дефолт, который теперь угрожает уже и Москве. В результате потенциальный электорат Ю.Лужкова – кандидата в президенты стал разрушаться на глазах: от левых, лейбористских и социал-

демократических инициатив приходится дистанцироваться, патриотизм временами «приглушать» и т.п. Но главное – надо желать скорейшего ухода Б.Ельцина и досрочных президентских выборов, ибо «московское экономическое чудо» явно дышит на ладан и до декабря 1999 г. просто не доживет, а виноват во всем будет мэр. К тому же осень 1998 г. и нынешняя зима еще раз подтвердили, что «держать удар» Ю.Лужков пока не умеет, избавляться даже от явного «балласта» в своей команде не хочет (это очень хорошее качество для бюрократа определенного типа, но крайне вредное для публичного политика) и вообще является скорее «нюсмейкером», чем претендентом на роль государственного деятеля с определенной программой.

Легко понять, почему основная масса «ностальгирующих» избирателей «партии власти» ныне поддерживает Е.Примакова, а вовсе не укрепляется в своем выборе «за Ю.Лужкова». Если появится «список Е.Примакова», то общероссийский «потолок» «Отечества» составит 7–8 млн даже при обильном финансировании и блестящей организации. Существенно также, что в отличие от Е.Примакова Ю.Лужков – не самая подходящая фигура для соперничества с Г.Зюгановым. Значительную часть центра (особенно левую) он заведомо не устраивает, а для большинства губернаторов он вовсе не представитель «партии власти», а удачливый конкурент, которого лучше «притормозить».

Предложение К.Титова и ряда других губернаторов сформировать блок «Региональные лидеры» (вообще без представителей московского и центрального регионов, что нынешним законодательством разрешается) создает критическую ситуацию для претензий «Отечества» как на центристский электорат, так и на роль «партии власти» в общенациональном масштабе. На Урале, в Сибири и в Европейской России есть группа довольно влиятельных губернаторов, каждый из которых не в силах собрать в одиночку 5% для своего списка. А скооперировав усилия, они вполне могут получить 3,5–4 млн голосов, если заручатся поддержкой прежде всего на Урале, где есть минимум 5 миллионов голосов «некоммунистического электората», которые после краха НДР и падения авторитета А.Лебеда и В.Жириновского (позиции Г.Явлинского тут традиционно слабы) стали «ничейными».

Основная цель такого объединения сил – не проведение дюжины–другой «списочников», а организация фракции одномандатников, которая, в отличие от нынешних «Регионов России», подчинялась бы группе губернаторов и образовывала их лобби в Думе. Шансы на успешную реализацию подобного проекта есть, но из-за ряда ошибок К.Титова (непомерные амбиции, агрессивный антикоммунизм и т.п.) к концу марта 1999 г. они значительно уменьшились.

Следует также иметь в виду, что на центристском «поле» действуют политики, способные отобрать часть голосов у фаворитов. «Союз народовластия и труда» стал прибежищем для некоторых «псевдосоциалистов», которые негодились Ю.Лужкову. В Думу вполне могут пробиться А.Николаев и С.Федоров. Что касается

НДР, то есть регионы, где за В.Черномырдина могут проголосовать «по зову сердца», без всяких денег или административного нажима. Это прежде всего его родное Оренбуржье, где знаменитого земляка любят не меньше, чем, к примеру, А.Руцкого в Курске (а избирателей там в полтора раза больше). В целом же в преодолении НДР пятипроцентного барьера не верится, прежде всего по обстоятельствам субъективного порядка: В.Черномырдин пока не состоялся как публичный политик и регулярно окружает себя людьми, способными провалить любое дело.

* * *

Итак, в главных чертах исход думских выборов 1999 г. несложно предвидеть. Расчеты можно строить, исходя из ориентировочной явки в 65–70 млн человек, стабильно наблюдавшейся на общенациональных голосованиях 1995–1996 гг. Первое место по партийным спискам наверняка займет КПРФ, которая получит минимум 17–20 млн голосов. Среди других левых и националистических сил высокие шансы преодолеть барьер в 5% имеет «патриотический» список В.Илюхина – А.Макашова, если их поддержит Н.Кондратенко. Этот список может получить, как минимум, 4 млн голосов с потенциальным удвоением за счет национал-протестного электората, ныне испытывающего «аллергию на красное» в лице «соглашателей с оккупационным режимом» – Г.Зюганова и НПСР, но недовольного как В.Жириновским, так и А.Лебедем. Шансы АПР на получение 5% голосов (т.е. 3,5 млн) невысоки, но небезнадежны, так как часть ее избирателей голосует так, как скажет начальник.

«Чисто красные» антисистемные радикалы (В.Анпилов, Э.Лимонов, В.Терехов, В.Тюлькин и др.) скорее всего не смогут договориться между собой и даже вместе не получат более 1–1,5 млн голосов. Таков же и «потолок» «просвещенных патриотов» (С.Бабурин и др.). Таким образом, если в ближайшие месяцы на политической арене России не начнутся какие-то непредвиденные качественные сдвиги (а неизбежный рост недовольства может «эксплуатировать» только какая-то антисистемная сила), этот лагерь сохранит традиционные 25–26 млн голосов с возможностью разрастания до 30 млн в случае успешного ведения кампании. 30 млн голосов (т.е. чуть менее половины возможных участников выборов) – это «потолок» для левотрадиционалистов, столько они вообще еще ни разу не получали кроме голосования за Г.Зюганова во втором туре выборов в 1996 г.

«Яблоко» скорее всего соберет около 7 из 10–12 млн голосов сохранившегося в России либерального электората («потолок» движения – 8–9 млн). Два–три миллиона избирателей могут проголосовать за «Правое дело» Б.Немцова – С.Кириенко, шансы которых на взятие пятипроцентного барьера являются практически нулевыми. Какая-то часть голосов либералов в городах–миллионниках может уйти и к «Отечеству» Ю.Лужкова, если его кампания будет более или менее

успешной. О шансах последнего пока что-то определенное сказать трудно: за счет Москвы и области преодоление пятипроцентного барьера (т.е. получение 4 млн голосов) даже в условиях резкого ухудшения экономической ситуации в столице, но при сохранении административного контроля представляется вполне возможным. За счет голосов электорального «центра» и части избирателей «партии власти» в провинции это число может быть удвоено, но вряд ли превысит 10 млн. Таким образом, потенциальный блок левонационалистов, равно как и «Отечество», вполне способны оттеснить «Яблоко» со второго места (после КПРФ), ибо их потенциальные резервы весьма высоки, а у Г.Явлинского уже почти исчерпан лимит голосов.

Соперниками Ю.Лужкова в борьбе за второе место будут А.Лебедь с НРПР и в еще большей степени – «Региональные лидеры». Если их всерьез поддержит десяток влиятельных губернаторов крупных регионов (прежде всего на Урале и в Сибири), с претензиями московского мэра на общенациональное лидерство будет покончено. Шансы на преодоление и списком А.Лебеда, и списком К.Титова барьера в 5% невысоки, однако отбирать голоса они будут у «центра» и «партии власти» (это в совокупности 20 млн потенциальных избирателей), фаворитом которых пока является не Ю.Лужков, а Е.Примаков. Наконец, В.Жириновский может получить 3,5–4 из 10 млн голосов «протестного национализма», гарантирующие ему попадание в новую Думу, при условии, что «по минимуму» выступят В.Илюхин – А.Макашов, Ю.Лужков и А.Лебедь. В зависимости от прохождения в Думу того или иного числа списков (от 3–4 до 7) можно при желании рассчитать несколько моделей распределения 225 мандатов. Однако, в силу доминирования КПРФ, будущая Дума будет, по-видимому, не очень сильно отличаться от нынешней.